

**БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ
ИСКАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РЕЧИ АДВОКАТА
(на материале защитительных текстов
эпохи судебной реформы Александра II)**

Е.С. Козловская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/3, Москва, Россия, 117198

Анализируя установленные в защитительных текстах эпохи судебной реформы Александра II контекстуальные значения общепринятых понятий и способы их формирования, автор статьи реконструирует систему этических ценностей, действующую в обществе той эпохи.

Ключевые слова: базовая антигега защитительного текста, способы формирования контекстуальных значений, декларируемые и действительные этические ценности.

Разные тексты в различной мере воздействуют на читателей и слушателей. Есть тексты, которые влияют на сознание людей настолько эффективно, что их действенность получает материальное выражение. К таким текстам относятся выступления адвокатов в эпоху судебной реформы Александра II. В этот период в России появляется суд присяжных, и адвокат становится значимой фигурой судебного заседания. В современном мире адвокаты могут оперировать только фактами и Законом. Тогда же адвокаты обращались не только к юридическим, но и к этическим и психологическим сторонам дела. Фактическая сторона преступления в защитительных речах сводилась к минимуму.

Несмотря на некоторые ограничения, присяжными заседателями в то время могли стать представители всех классов российского общества. Поэтому выступления адвокатов должны были строиться таким образом, чтобы воздействовать на нормы и ценности общества в целом, а не на представителей отдельных сословий.

Российское общество 60-х гг. XIX в. было патриархальным и базировалось на христианских ценностях, поэтому понятия нравственности и безнравственности были в нем безусловно важны. Но в трактовке адвокатов общепринятые этические постулаты приобретают контекстуальные значения и оказываются не абсолютными, а относительными.

Семантическая модель защитительного текста строится так, чтобы внимание присяжных было направлено не на представления о законности/незаконности, а на представления об истине/лжи или честности/непорядочности.

В опубликованных защитительных текстах обнаруживается универсальное противопоставление положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы. Независимо от того, в чем обвиняется подсудимый, адвокат представляет его поступки нравственными, психологически обоснованными, а поступки жертвы преступления, наоборот, безнравственными, заслуживающими порицания.

Важно грамотно установить создаваемые адвокатом контекстуальные значения этических понятий и сравнить их со словарными значениями. Словарное

значение отражает этическую норму, зафиксированную в сознании людей. Если же контекстуальное значение, которое выявляется в процессе анализа, представить как словарное, оно скорее всего будет шокировать слушателей.

Мужчина целомудренный, чистый — *‘человек, знавший в течение тридцати лет всего двух женщин, может быть назван мужчиной целомудренным, чистым, склонным к единолюбию»* [1. С. 336].

Безупречный муж — *‘мужчина, который вступил в брак после всяческого дебоширства’*: *«То есть, конечно, есть на свете безупречные женщины, не знавшие никого, кроме своего мужа. Бывают и мужья, остающиеся верными своим женам, вступая с ними в брак после всяческого дебоширства»* [1. С. 336].

Контекстуальная оценка безупречного мужа не совпадает с оценкой безупречной жены:

Безупречная жена — *‘женщина, не знавшая никого, кроме своего мужа’*: *«(...) есть на свете безупречные женщины, не знавшие никого, кроме своего мужа»* [1. С. 336].

Полагаемое однозначным понятие супружеской верности приобретает иное значение. Значения нравственных ценностей искажаются. Но понять это становится возможным только путем реконструкции контекстуальных значений.

Способы формирования контекстуальных значений не линейны, они рассеяны по всему тексту, многократно повторены. Отметим, что присяжные не могли сразу же реконструировать эти значения, так как воспринимали текст на слух. Но «этическая система», создаваемая защитой, срабатывает, потому что присяжные признают преступника невиновным или серьезно снижают степень его наказания, соглашаясь с этикой, формируемой адвокатом.

Противопоставление положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы дополнительно поддерживается стилистическими средствами, в которых наблюдается принцип избирательности. Образ преступника формируется в литературном, иногда в возвышено-литературном стиле, а образ жертвы очень часто оформляется просторечиями, которые всегда имеют отрицательную коннотацию. Так адвокату удастся выразить отрицательно отношение к жертве и сформировать подобное отношение у присяжных заседателей.

ЖЕРТВА

бесила

обставила

тупое существо

мелочна и пуста

ПРЕСТУПНИК

уступал ее резкостям

умел оправдывать ее шероховатости

В создании положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы участвуют все элементы защитительного текста. Например, адвокат может замедлить определенную часть объективного времени по отношению ко времени объективному или, наоборот, ускорить его. Временной отрезок в несколько лет может быть изображен как молниеносно пережитый, а временной отрезок в несколько минут может быть представлен как медлительный, напряженно длящийся. Это позволяет отвлечь присяжных от события, значимого для судебного разбирательства — преступления, совершение которого обвиняемым уже доказа-

но, и сосредоточить их внимание на событии, которое позволит сформировать нравственный образ преступника.

Обвиняемая в покушении на убийство женщина в прошлом уже находилась под стражей, «год просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости», после чего ее отпустили: «Была весна (...) прошло десять дней, полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается — не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет он Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму» [2. С. 245]. Десять дней, проведенные на свободе, описаны более подробно и становятся в речи адвоката более значимыми, чем два года в заключении. Рассказ о дальнейших событиях ведется при помощи глаголов настоящего времени: «Засулич сидит в пересыльной тюрьме (...) навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки (...) никто не воображает, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке» [2. С. 245], тогда как до этого использовались глаголы прошедшего времени («просидела», «была весна», «прошло десять дней»).

Настоящее время глаголов позволяет адвокату замедлить действие, переместить его из прошлого в настоящее, актуализировать. Кроме того, все перечисленные глаголы — несовершенного вида, что придает описываемым событиям детализацию, усугубляет ощущение медлительности, бесконечности и безнадежности происходящих событий.

Перечисленные адвокатом противопоставления усугубляют атмосферу неизвестности, тревоги, неожиданности:

<i>розовые мечтания</i>	→	<i>вдруг поздний звонок;</i>
<i>запоздалый друг</i>	→	<i>местный надзиратель.</i>

Все, что окружает обвиняемую в то время — *весна, розовые мечтания, конфеты, книжки* — соотносится с образом юной романтической девушки. Смысловые связи, связанные с прошлым обвиняемой — ***беззащитная девушка, попавшая в беду*** — актуализируются в настоящем и представляют обвиняемую юной девушкой, хотя на момент судебного разбирательства ей исполнилось уже двадцать восемь лет.

Даже возраст, безусловный факт действительности, в защитительных выступлениях может оказаться величиной относительной и приобретать различные контекстуальные значения.

Защищая обвиняемого, который подозревался в убийстве и изнасиловании тринадцатилетней девочки, адвокат анализирует возраст жертвы: «Укажем на факты... в этом факте влечения к субъектам очень молодым, незрелым сказывается особенность не одного только Мироновича, в ней нет ничего невероятного. Не забывайте, что Сара Беккер была подросток, в ней... уже складывалась девушка, да половая зрелость у евреек, как известно, наступает раньше, чем у других» [2. С. 162].

Девочка тринадцати лет характеризуется как: «***субъект очень молодой; субъект (...) незрелый; подросток; уже складывалась девушка; девушка с наступившей «половой зрелостью».***

Результатом интерпретации становится следующее утверждение: девочка тринадцати лет — это ***девушка с наступившей половой зрелостью***. Это позволяет

адвокату представить *влечение* преступника к жертве *фактом*, в котором *нет ничего невероятного*. Более того, жертва становится виновной в том, что с ней случилось: «*Сарра постоянным своим присутствием раздражала старческую похотливость Мироновича*» [2. С. 161].

После получения результатов судебно-медицинской экспертизы, которая установила, что изнасилования не было, возраст жертвы приобретает совершенно другие характеристики: «*(...) Миронович, как коршун, издавна чертил круги вокруг этого цыпленка — Сарры*»; «*нашли девочку в описанной нами позе*»; «*Сара Беккер невинна*»; «*но тот, кто (...) за спиной девочки следил за ней*». Возраст жертвы теперь понимается как детский. Девочка тринадцати лет — *ребенок*.

Динамическая модель семантического развития защитительных текстов строится на постоянном возобновлении противопоставления положительного образа преступника и отрицательного образа жертвы. Это противопоставление может осуществляться только с помощью создания таких контекстуальных значений, в которых происходит смещение декларативных этических ценностей. Вынесение оправдательного вердикта подтверждает, что контекстуальные значения воспринимались слушателями как актуальные, действующие, потому что присяжные соглашались с трактовкой адвоката.

Анализ текстов, которые оказывали действенное влияние на людей определенной эпохи, позволяет вычислить достаточно устойчивую объективную шкалу ценностей, которые не декларировались, но действовали в обществе того времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреевский С.А. Судебные речи. М.: изд-во «Юрайт», 2010. С. 335—345.
- [2] Судебные речи известных русских юристов. Серия: Антология мысли. М.: изд-во «Юрайт», 2011.

BASIC PRINCIPLES OF DISTORTING THE REALITY IN LAWYERS' SPEECH (the case of defensive texts pertaining to the times of judicial reform of Alexander II)

E.S. Kozlovskaya

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2a, Moscow, Russia, 117198

The author of the article analyzes contextual meanings of general notions determined in defensive texts pertaining to the times of judicial reform of Alexander II, examines the methods of their forming and reconstructs the actually validity of ethical value system of the Russian society of that period.

Key words: basic antithesis of a defensive text, methods of forming contextual meanings, declaratory and actual ethical values.